

Алла Сальникова
Казань

**«Вспомнить все», или материалы анкетных обследований
как коммеративный нарратив**

Мы столько пережили.
Иногда полезно это вспомнить.
«Зачарованные» («Charmed»),
реж. Констанс М. Бёрдж, 1998–2006

Одной из проблем, традиционно стоявших и стоящих перед историками – авторами так называемых «тотальных нарративов», выстраивающих, структурирующих и линейно организующих восприятие прошлого, – является проблема тотального охвата источников. И речь здесь не идет о практически недостижимой в данном случае абсолютной тотальности. Речь идет скорее о восполнении вполне объяснимых и естественных пробелов в существующем источниковом комплексе, обусловленных как внешними по отношению к нему, так и внутренними, связанными с его саморазвитием, причинами, порождающими в конечном итоге ассиметричность и прерывность исторического нарратива.

В сегодняшней России все настойчивее артикулируется идеологическая установка на написание «новой» истории страны посредством восстановления генеалогии сильной государственной власти. В то же время не до конца исчерпал себя, а, точнее говоря, даже обрел новые импульсы начавшийся еще в 1990-е гг. процесс масштабного кризиса и переопределения идентичностей, наблюдавшийся как на индивидуальном, так и на групповом уровне, как на уровне разного рода макро- и микро групп, так и на уровне отдельных социальных институтов и социокультурных локусов. Этот кризис во многом преодолевался и преодолевается путем повсеместного пересмотра категории «другого» и радикальной деконструкции прежних императивных моделей и объясняющих схем.

Изучение обозначенных проблем в исторической ретроспективе предполагает привлечение обширного комплекса разнообразных документов как официального (властного), так и личного (частного) происхождения. Это необходимо для того, чтобы, с одной стороны, выявить суть властных стратегий и тактик, а с другой – показать их результативность с точки зрения

принятия / отторжения и восполнения / замещения их населением в практиках его повседневного существования. Хрестоматийно известно, что обозначенные группы источников существенно отличаются друг от друга с точки зрения специфики их функционирования в социокультурном пространстве, обусловленной целями, задачами и условиями их создания, что неизбежно сказывается на их видовой (жанровой) принадлежности, адресной направленности и степени публичности / интимности, стилистических и лексических особенностях, ареале их распространения и способах применения, содержании и даже степени сохранности. Вместе с тем специфика и разительная непохожесть тех и других обусловила «нужность» и «незаменимость» каждой из этих групп, их необходимость и взаимодополняемость, и в то же время их когнитивную и информационную ограниченность. Источники официального происхождения, представленные, прежде всего, нормативно-распорядительными документами, отражают властный дискурс, властное видение проблемы, его риторику, его презентационные характеристики, его контент, направленность и возможные (часто желаемые, иногда – невозможные) методы и способы достижения поставленной цели. Конструируя на своих страницах некую идеальную реальность, источники эти прямо отвечают на вопрос: чего хочет власть и как она собирается этого достигнуть, хотя найти ответ подчас удастся, лишь продравшись сквозь дебри словесных хитросплетений и властного лукавства, расшифровав заложенные в текстах семантико-семиотические коды, выявив инструментарий дискурсивного воздействия власти на целевую (подвластную) аудиторию.

По официальным источникам – в первую очередь, по отчетной делопроизводственной документации (включая и закрытые документы «для служебного пользования»), закрывающие многие пробелы в источниковой информации) может быть отчасти прослежена и результативность властной политики. Однако особый взгляд и относительно «независимые» от властного дискурса оценки, а главное – отражение степени и конкретных проявлений восприятия / невосприятия этой политики в повседневных практиках населения гораздо более полно отражены в его-документах – частных нарративных источниках личного происхождения. Практически полный отказ от бумажных носителей, которыми продолжают по традиции пользоваться лишь представители старшего поколения, выход в Интернет-пространство (блоги, чаты, интернет-переписка и пр.) и применение интернет-технологий создания, пользования и хранения его-текстов, казалось бы, вывели их из сферы потаенной письменной культуры. Между тем, именно среди электронных его-источников встречается немало максимально откровенных и даже так называемых провокационных текстов, призванных обострить интерес к личности автора, благо круг адресатов расширился и продолжает расширяться вплоть до безграничности¹. Допускаемая анонимность или

¹ По данным российского Фонда общественного мнения (ФОМ), полученным на основании скрининг-обзора Интернет-пользователей, российская аудитория Интернета уже весной 2011 г. составляла 46 % населения страны. (Фонд

псевдонимность авторства позволяет в значительной степени сохранить «инкогнито в сети».

При этом спонтанно созданным источникам личного происхождения – вне зависимости от носителя текста – присущи такие снижающие степень их информативности и достоверности черты, как субъективно-обусловленный отбор сюжетов для «вспоминания» / комментирования, недостаточная осведомленность авторов о макроплановых событиях, выходящих за горизонты их индивидуальной жизни – так называемый «обывательский взгляд» на вещи, с присущей ему несклонностью к концептуализации, неотрефлексированность, деструктуризация и деиерархизация текста, наличие «избыточной» информации, в том числе состоящей из слухов и сплетен. В ситуации поиска и обретения новых идентичностей осознание депривации по любому из признаков – будь то признак социальный, этнический, гендерный, возрастной или какой-либо другой – немедленно порождает текстуально зафиксированный взрыв эмоций. Причем позицию «жертвы» может занять любая из групп, составляющих данное мультикультурное в широком смысле этого слова сообщество, несколько групп или все одновременно в ходе реализации непопулярных властных стратегий и практик либо продвижения интересов отдельных групп населения, вступающих в противоречие с интересами других групп либо сообщества в целом.

Наличествующие в источниках как официального, так и личного (частного) происхождения информационные пробелы так или иначе должны быть восполнены. Важнейший комплиментарный вклад в существующий источниковый корпус вносят материалы инициативного документирования – целенаправленно организованные (в том числе посредством специально разработанных вопросников–анкет) свидетельства очевидцев, позволяющие заполнить образовавшиеся предметно-тематические и содержательные информационные лакуны.

Метод опроса – как метод сбора первичной социологической информации, осуществляемый в форме анкетирования или в форме интервьюирования – является на сегодняшний день, как известно, одним из ведущих методов социологического исследования, а материалы опросов – одним из основных «источников» для социологов. Между тем, современные представления об источниковедении как особом методе гуманитарного познания, осуществляемого через фиксированные источники информации, и о самом источнике как антропологическом ориентире социогуманитарных наук предполагают наличие широких интегративных междисциплинарных связей, взаимообогащение источниковым материалом и исследовательскими методами. Да, именно социология изучает общество, прежде всего, с позиций того, что происходит в нем здесь и сейчас, ища в настоящем истоки будущих

вероятностных процессов, а взгляд историка обращен в прошлое. Однако, как писала еще в конце прошлого века О.М.Медушевская, рассматривая проблему соотношения исторического и социологического метода, «действительно ли можно провести четкую грань между прошлым и настоящим? События прошлого вплетаются в живую ткань современной реальности, и трудно отделить одно от другого (...) Человеческое сознание, по новейшим исследованиям, способно воспринимать целостную картину в течение 2,9 секунды. Что касается дальнейшего, то здесь уже необходимо обращаться к источникам фиксированной информации»². Таким образом, собранная социологами информация о настоящем фактически сразу же становится ни чем иным, как историческим источником в традиционном понимании этого слова³.

Развитие социологии и ее методов неизмеримо расширило возможности источниковедения как научной дисциплины, и наоборот. Широко применяемый в социологии метод сбора и записи «жизненных историй» – интервью всех видов – лег в основу формирования меморатного пласта устной истории (oral history). В то же время становление биографического метода в социологии, направленного на описание исследуемой реальности с помощью материалов личного происхождения, невозможно было бы без учета достижений современного источниковедения в области анализа ego-документов.

С проблемой «нехватки» источников и необходимостью инициировать их создание пришлось столкнуться и нам в процессе реализации исследовательского проекта «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития». Проект был выполнен в 2012 – 2013 гг. преимущественно на материалах Республики Татарстан и ее столицы Казани – региона и города, где межкультурные взаимодействия исторически были весьма плотными и интенсивными⁴. В последние годы «общим местом» достаточно большого количества специальных социогуманитарных исследований и еще большего количества публикаций в СМИ, посвященных рассмотрению множественности и разнообразию отношений инаковости на постсоветском пространстве, стало утверждение о складывании особой «татарстанской модели» межнациональных отношений, отмеченной высокой степенью толерантности, диалогичности и взаимопонимания. Если это действительно так, то у исследователя неизбежно возникает ряд вопросов, связанных с историческими корнями и

² *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. М., 1998. С. 32.*

³ Об этом см. подробнее, например: *Поршнев О.С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник РУДН. 2006. №2 (6). С. 31–39.*

⁴ См.: *Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье) XIX – начала XXI вв.). Казань, 2013. С. 4–28.*

предпосылками формирования этого феномена, динамикой его развития, теми факторами, которые обеспечивают его наличие сегодня и смогут обеспечить его существование в будущем, включая фактор мультикультурности указанного региона. При этом проблему инвариантности воздействия феномена мультикультурности на состояние социальной стабильности целесообразно рассматривать не только и даже не столько через описание национально-культурной политики власти, сколько через изучение межкультурных практик населения, в том числе культурных практик межэтнической кооперации, сложившихся в Казанской губернии (советской Татарии) постсоветском Татарстане на протяжении конца XIX – начала XXI вв. Собранные анкеты позволили реконструировать модель сложившегося в Татарстане «общества культурного плюрализма» в исторической динамике, показать истоки и предпосылки его формирования, выявить факторы, обеспечивающие и поддерживающие его существование, определить уровень угроз и отчасти даже выработать теоретические и практические рекомендации по их преодолению.

Всего в результате проведенного письменного анкетирования нами было собрано 168 развернутых анкет общим объемом более 700 страниц печатного текста. Выборка респондентов осуществлялась по типу «удобной» в сочетании с методом «снежного кома»: первоначально ответить на вопросы анкеты в письменном виде было предложено студентам старших курсов бакалавриата и магистратуры отделения истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета. А затем они, в свою очередь, должны были предложить заполнить анкету любому респонденту, принадлежащему к другому поколению жителей Казани.

Анкетирование выполнялось в рамках конкретного исследовательского проекта, а поэтому было подчинено конкретным исследовательским задачам. Нас интересовали, прежде всего, вопросы о том, как происходило погружение / адаптация / интеграция респондента в мультикультурную среду, как ощущал себя респондент в мультикультурной среде, чувствовал ли он ее наличие и насколько и как менялись эти ощущения с течением времени, как взаимодействовали между собой представители разных культурных общностей, какую роль играла власть в процессе этого взаимодействия. Исходя из этого, поставленные в анкетах вопросы – всего 61 – были распределены по четырем группам.

Первая группа вопросов (1–6) была обозначена как «персональные сведения»: фамилия, имя, отчество – по желанию; год и место рождения; образование, специальность и сфера профессиональной деятельности, и, наконец, вопросы о национальной, религиозной и поколенческой самоидентификации респондента.

Вторая группа вопросов была объединена под заголовком «Межкультурность в городском пространстве» (7–20). Сюда вошли вопросы, связанные с этнонациональным маркированием пространства Казани («Отличались ли

районы города с точки зрения этнической / национальной принадлежности преобладающей части их населения? Как это отражалось в архитектуре, ландшафтном дизайне, декорировании городского пространства?»; «Насколько проявилась мультиэтничность в городской топонимике?»; «Как в городском ландшафте проявлялась мультиконфессиональность города?»; «Какие знаки и символы (памятники, скульптуры, барельефы, лозунги, плакаты, элементы декора украшения зданий) свидетельствовали, утверждали и подтверждали мультиэтничность городского пространства Казани?» и др.), и вопросы, определявшие самоощущения жителей мультиэтнического города («Нравится ли Вам жить на «культурном пограничье», в мультиэтнической, мультикультурной городской среде? Или Вы предпочли бы жить в относительно «мононациональном» городе»), а также вопросы, представляющие собой оценочное или прогностическое, но основанное на персональном опыте и индивидуальных и коллективных практиках, суждение («Раньше Казань выглядела как а) мультиэтнический; б) преимущественно «русский»; в) преимущественно «татарский» город и почему?»; «в перспективе Казань будет развиваться как а) обычный, типичный постсоветский город; б) как город с отчетливо выраженным национальным / этническим колоритом; в) по типу «плавильного котла», когда произойдет сплав и в конечном итоге растворение национальных культур друг в друге?»). Завершал раздел вопрос «концептуализирующего», итогового характера: «Мультиэтнический характер Казани является позитивным или негативным фактором для ее современного состояния и последующего развития?»

Третья группа вопросов – «Межкультурность в повседневной, досуговой, праздничной практике» – была направлена на исследование процесса вписывания в межкультурную среду и формирования повседневных практик межкультурной коммуникации. Этот раздел начинался с воспоминаний о детстве («В детском саду, в школе ощущали ли Вы национальное размежевание, присутствие «других» или не обращали на это внимания? Кем были Ваши одноклассники и учителя с точки зрения их национальной принадлежности? Влияла ли их национальность на Ваше отношение к ним?»; «Кем по национальности были друзья Вашего детства? Замечали ли Вы что-то «особое», «непохожее», отличное от Вашего в их повседневных практиках, манере поведения, одежде и т.д.? Нравилось ли Вам это, хотелось ли подражать, или вызывало отторжение?»; «Где Вам прививалось толерантное отношение к живущим рядом «другим»: в семье, в школе, в СМИ, другое?»; «Как в школе осуществлялось воспитание толерантного отношения к «другим»? Успешным ли оно было? Испытывали ли Вы, будучи детьми, неприятие живущих рядом людей другой национальности? Если да, то в чем это проявлялось?») и заканчивался вопросами о практиках межкультурного общения во взрослом возрасте с родными («Есть ли примеры межнациональных / межконфессиональных браков среди Ваших родных, друзей, знакомых старшего поколения (родители, бабушки – дедушки, прабабушки – прадедушки), Вашего поколения, младшего поколе-

ния (дети, внуки)?»; «Как должны строить свой быт супруги разных национальностей и/или веры? Как воспитывать детей?»; «Задавал ли Ваш ребенок Вам вопросы о своей национальности или национальности его друзей, соседей, знакомых? В каком возрасте это случилось? Как звучали вопросы? Как Вы ответили на них?»), друзьями и знакомыми («Кто Ваши друзья по национальной, религиозной принадлежности (или отсутствию таковой? Имеют ли для Вас значение указанные факторы при выборе друзей, круга повседневного общения?»), соседями («Знаете ли Вы, кто Ваши соседи по национальной, религиозной принадлежности, откуда Вам это известно»), коллегами по работе («Каковы (были) отношения к представителям Вашей и других национальностей в Вашем трудовом коллективе? Существует/существовала ли какая-либо дискриминация или, напротив, лоббирование по национальному/этническому признаку? В чем это проявлялось?»).

Сюда же вошли вопросы, касающиеся процессов формирования и современного состояния властных национально-культурных практик в СССР / России («Какой период в истории нашей страны был самым мирным с точки зрения межнациональных и межконфессиональных отношений? Почему?»; «Толерантное отношение к «другим» было более очевидным в советское или постсоветское время, прежде или теперь, и в чем это проявляется?»; «Какие мероприятия правительства, местных властей могут способствовать межнациональному и межрелигиозному миру в Вашем городе, регионе, стране в целом? А какие препятствовать?»). Кстати, именно в этом разделе содержались особо «трудные» с психологической точки зрения вопросы, требовавшие от респондентов высокой степени откровенности («раздражает или пугает ли Вас что-либо в представителях другой национальности, религии? Что именно и почему») или самостоятельной трактовки сложных, обобщающих понятий, таких, как «политика мультикультурализма», «толерантность». Сюда же вошли и остро злободневные вопросы («Как Вы относитесь к переселению в Ваш город, регион выходцев из Ближнего Зарубежья? Как это повлияет на повседневную жизнь Вашего города и страны, на культурные традиции России, на гражданский мир в обществе?»).

Последняя группа вопросов (51–61) была нацелена на изучение надэтнической советской идентичности как конструкта и как реального исторического опыта. Анкетированным предлагалось ответить на такие вопросы, как: «Что такое советский народ и кто его составлял?», «Когда он сформировался и когда перестал существовать»? «Считали ли и ощущали ли Вы себя советским человеком – частью советского народа? В чем именно это выражалось?»; «Что такое советские патриотизм?» и др. Заметим, что эти вопросы были адресованы как представителям старшего и среднего поколения, имевшим за плечами «советский» опыт, так и молодым людям, родившимся на излете советской эпохи или в постсоветское время, у которых представления о «советском народе» и «советскости» формировались извне, причем в значительной степени в период резко негативного отношения к

обозначенным феноменам. Тем интереснее и неожиданнее оказались полученные ответы.

Вопросы анкет были выверены и унифицированы так, что они сознательно задавали определенную логику «памяти»: поскольку нашей задачей являлось обретение нарратива памяти, альтернативного официальному нарративу властных текстов, мы нацеливали анкеты на выявление отсутствующих в официальных источниках документальных свидетельств о повседневной жизни казанцев и отношений внутри городского мультиэтнического сообщества. Для большинства опрошенных анкета явилась толчком к активизации дремавшего сознания и обретения биографической самоидентификации – ведь многие из них ранее никогда не предполагали возможности написания и публикации письменных свидетельств своей жизни.

Среди опрошенных около 10 % составили анкеты казанцев 1920-х–1940-х гг. рождения (поколение «отцов»), 48 % – анкеты респондентов, родившихся в 1950-е – 1970-е гг. (поколение «детей»), и 42 % – анкеты, заполненные молодыми людьми 1980-х–1990-х гг. рождения (поколение «внуков»). Учитывая то, что респондентов старшего и среднего возраста отбирали сами студенты, среди отвечавших было немало их бабушек и дедушек, и еще чаще – родителей. Отсюда и преобладание анкет, заполненных людьми, родившимися в 1950-е – 1960-е гг. Несмотря на это, данную выборку можно считать достаточно репрезентативной, принимая во внимание широту и разнообразие самого студенческого состава института с точки зрения социального происхождения, а также этно-национальной и религиозной принадлежности. Респонденты разных возрастных групп делились воспоминаниями, услышанными еще от своих родителей. Такие анкеты превращались в образцы семейной памяти.

Одной из задач, стоящих перед инициаторами опроса, было выявление различий как внутри возрастных групп, так и внутри определенных социальных слоев. Однако результаты анкетирования показали, что не менее значимым фактором, определившим содержание анкет, стало место рождения их авторов и продолжительность проживания в городе: среди собранных были как анкеты коренных казанцев, так и мигрантов из других городов и сел Республики Татарстан, России и Ближнего Зарубежья / бывших союзных республик,

Полученные в результате проведенного анкетирования ego-документы оказались очень разнообразными с точки зрения их авторства и очень содержательными с точки зрения заключенной в них информации. Среди ответивших на вопросы, как уже указывалось, были люди разных поколений: самая старшая родилась в 1927 г., самые молодые в 1994 г. Естественно то, что в содержании анкет отразилась и гендерная принадлежность респондентов: женщины составили 80 % опрошенных, поскольку, по словам интервьюеров, они гораздо охотнее соглашались отвечать на вопросы. Больше девушек оказалось и среди самих студентов, выразивших желание поучаствовать в анкетировании (участие в проекте было добровольным).

Помимо студентов, респондентами выступили представители различных социальных и профессиональных групп – люди как с высшим (около 60 %), так и со средним образованием (чуть более 40 %): экономисты, бухгалтеры, инженеры, техники и лаборанты, строители, юристы, сотрудники МВД и военнослужащие, учителя, воспитатели, преподаватели и сотрудники вузов, журналисты, переводчики, музейные и социальные работники, работники культуры, художники, музыканты, библиотекари, врачи и средний медперсонал, фармацевты, работники торговли, частные предприниматели, менеджеры, шоферы, повара, парикмахеры, кассиры, швеи, фрезеровщики, представители других рабочих профессий.

Судя по ответам, к русским отнесли себя 56 % опрошенных (в одной из анкет уточнено – «поволжский великоросс»), к татарам – 30.4 %, 6.5 % составили чувашаи, мари, башкиры, лезгины, остальные со своей этнической принадлежностью не определились. Речь идет о детях, родившихся в смешанных браках: «Я не могу с точностью утверждать, что я русская или татарка, так как в полной мере не ощущаю себя не той, ни другой... Моя семья смешанная (мама – русская, папа – татарин), они исповедуют разные религии, мама – православие, папа – ислам»; «смешанной крови – папа татарин, мама русская»; «не причисляю себя ни к какой национальности, считаю себя россиянкой... Представители семьи – разных национальностей (удмурты, татары, русские)»; «я наполовину русская, наполовину чувашка. Все родственники по папиной линии чувашаи, а по маминой линии русские». Заметим, что среди респондентов не было никого, кто бы уклонился от ответа на этот вопрос. Преобладание русских в результатах выборки объяснялось, видимо, тем, что среди интервьюеров – студентов-историков Казанского федерального университета (как показали материалы анкет, заполненных ими же в качестве респондентов младшего поколения) русские составили 55 %, а татары – 33.3 %, т.е. интервьюер и респондент, как правило, были одной национальности.

Гораздо сложнее обстояло дело с религиозно-конфессиональной самоидентификацией. Согласно ответам, из 168 опрошенных православными посчитали себя 56 %, мусульманами – 24.4 %. Одна обозначила себя как протестантка, один – как буддист. Среди респондентов младшего поколения нашелся один агностик⁵, один деист⁶, один анимист⁷. 6 % заявили о том, что

⁵ *Агностицизм* (от др.-греч. ἄγνοωτος – непознаваемый, непознанный) – позиция, существующая в философии, теории познания и теологии, полагающая принципиально невозможным познание объективной действительности только через субъективный опыт, и невозможным познание любых предельных и абсолютных основ реальности.

⁶ *Деизм* (от лат. deus – бог) – религиозно-философское направление, признающее существование Бога и сотворение Им мира, но отрицающее большинство сверхъестественных и мистических явлений, божественное откровение и религиозный догматизм.

являются атеистами; 2.4 % о том, что не принадлежат ни к одной из конфессий, хотя атеистами не являются («есть общая система представлений о Боге»; «нет конкретной религиозной принадлежности, но есть весьма абстрактная вера в сверхъестественное»; «без религиозных предпочтений»; «точной религиозной принадлежности не имею»; «не религиозна, но суеверна»). Остальные 11.2 % респондентов на этот вопрос не ответили.

Предварительно мы предполагали, что процент опрошенных без «четкой религиозной принадлежности» будет гораздо выше, в особенности когда речь шла о представителях младшего и среднего поколения. И действительно, пояснения к ответам показали, что многие респонденты свою религиозную принадлежность определяли не задумываясь, чисто автоматически, руководствуясь принадлежностью этнонациональной (русский – православный, татарин – мусульманин). Глубина религиозной веры, приверженность религиозным канонам, следование им в повседневных практиках особого значения не имела: «по религии – православные, но не слишком верующие»; «верим в ислам, но не настолько, чтобы от этого с ума сходить»; «меня крестили в несознательном возрасте, номинально я исповедую православие. Однако мне кажется, что если бы я сама выбирала веру в более старшем возрасте, то выбрала бы какую-то другую, если бы вообще стала привязывать свою веру к конкретной конфессии». Однако среди отвечавших были и люди, сделавшие свой осознанный конфессиональный выбор, обусловленный иногда откровенно политическими причинами: «являюсь дочерью татарина и русской, женой русского, приняла православие. Объясню почему. До замужества религией не интересовалась, т.к. родители были атеистами (отец – коммунист). Но когда во время перестройки Фаузия Байрамова⁸ призвала к уничтожению таких, как я (метисов и гибридов), я поняла, что мусульманкой никогда не стану... Два наших сына также православные, посещают церковные службы».

Ответы на вопрос о национальной и религиозной принадлежности членов семьи опрашиваемого показали, что в однонациональных семьях живут 69 % опрошенных (при этом часть из них – 7.8 % – сообщили, что члены их семей придерживаются разных религиозных убеждений или являются атеистами), в многонациональных семьях – 22 % (при этом 27 % из них подчеркнули единую религиозную принадлежность членов их семей, которая подчас достигалась целенаправленно: «Мой папа татарин и исповедует ислам, а мама русская, после свадьбы поменяла религию также на ислам»).

⁷ *Анимизм* (от лат. *anima, animus* – «душа» и «дух» соответственно) – вера в существование души и духов, вера в одушевленность всей природы.

⁸ *Байрамова Фаузия* – одна из лидеров Всетатарского общественного центра (1989–1991) и организаторов партии «Иттифак» (с 1991 председатель), председатель Милли Меджлиса (1994–1997). (Татарская энциклопедия: В 6-ти тт. Казань, 2002. Т.1. С.280).

Помимо такого широкого спектра характеристик авторского происхождения анкет, они оказались очень насыщенными по своему содержанию. Ведь наряду с «полузакрытыми» (выбор из нескольких вариантов) и «закрытыми» дихотомическими вопросами («да» / «нет», «знаю» / «не знаю», «нравится» / «не нравится» и пр.), большая их часть носила «открытый» характер и предполагала развернутый ответ. В результате почти все заполненные анкеты, за редким исключением, выросли в развернутые нарративы. В среднем объем каждой из них составлял 5–6 страниц печатного текста. Отвечающие старались подробно и по возможности откровенно отвечать на поставленные вопросы. Нередко им приходилось не только вспоминать, но анализировать и размышлять, причем некоторые вопросы, по словам респондентов, были дискомфортны для них психологически (что отметили при сдаче анкет в устной беседе сами отвечающие). Вместе с тем, нельзя не учитывать и тот факт, что респонденты, заполняя анкеты, обязательно подвергали написанное самоцензуре. Представители среднего и старшего поколения, получившие анкеты от студентов, могли заполнять их анонимно или псевдонимно, и потому могли писать более откровенно. Сами студенты тоже имели такую возможность, но не были в этом заинтересованы, поскольку за каждую заполненную и принесенную анкету они получали дополнительные бонусные баллы за работу в семестре. Вполне понятно поэтому, что не все их ответы были полностью правдивы и чистосердечны. Выявить устойчивость и непротиворечивость ответов респондента помогали вопросы перекрестного и контрольного характера, когда через выяснение частных аспектов осуществлялся контроль за непротиворечивостью общей оценки.

В целом собранные анкеты подтвердили наличие той самой толерантной «татарстанской модели» межнациональных отношений, о которой говорилось выше, что явственно прослеживалось в анкетах представителей как старшего, так и среднего и – что особенно отрадно – младшего поколения казанцев. Большинство опрошенных – 87 % татар и 69,8 % русских, родившихся в 1980-е – 1990-е гг. – утвердительно ответило на вопрос о том, нравится ли им жить на «культурном пограничье», в мультиэтничной городской среде («жить в многонациональном, многокультурном городе всегда интереснее, поскольку это дает больше возможностей изучить окружающий мир и служит свидетельством его многогранности» (русская), «мне нравится жить в Казани. У каждого народа, что проживает здесь, можно чему-нибудь научиться» (русская), «нравится разнообразие обычаев, традиций, привычек» (русская); «лучшее впитывается, лишнее отсеивается» (русский); «изучать культуры других наций всегда интересно» (татарка); «думаю, такое «пограничье» в некотором смысле способствует развитию толерантности среди населения... Это позволяет смотреть на «этнические» составляющие и проблемы другими глазами, исчезает «замкнутое» пространство, где у каждого своя «правда»» (татарка), и – вот оно, главное – «я уже привыкла к этому с детства и просто считаю, что так и

должно быть» (татарка). 13 % татар и 7 % русских высказали нейтральное отношение к проживанию в пограничной среде («мне не доставляет дискомфорта жить в пограничной среде. Но я не могу сказать, что, переехав в мононациональную местность, буду очень скучать по здешней специфике» (русская); «мне совершенно не важно, в какой среде жить, в мультикультурной или в мононациональной» (татарка), «пока мне сложно дать ответ на этот вопрос, так как не с чем сравнивать» (татарин). У тех и у других всегда были друзья «обеих национальностей, никакого различия между ними я никогда не делала» (русская); «мои друзья различной национальности. Указанный фактор при выборе друзей для меня значения не имеет» (русская); «для меня вообще не важна национальность. Главное, чтобы человек был хороший» (русская); «я снимаю квартиру с тремя подругами, мы все вместе приехали из Нижнекамска получать высшее образование. Двое из них русские, одна татарка. Мне не важна ни национальная принадлежность, ни религиозная принадлежность при выборе друзей» (татарка); «у меня много друзей разных национальностей, и я хорошо с ними общаюсь» (татарка); «для меня абсолютно не имеют никакого значения эти факторы при выборе друзей и круга повседневного общения, ведь это наоборот способствует расширению моего кругозора, дальнейшему формированию моего мировоззрения и постановке жизненных ценностей» (мари). При этом 23.3 % русских заявили о том, что хотели бы жить в «моноэтничном» городе, подразумевая под ним, видимо, город «русский». Среди них были как приезжие из других регионов России, так и коренные казанцы. В ряде анкет лиц нетатарской национальности приводились упоминания о фактах лоббирования или дискриминации по национальному признаку, однако сами анкетированные, по их словам, никогда ей не подвергались, а лишь «слышали» или «читали» о ней: «Часто я слышу от своих знакомых, (что) были ситуации, когда человек не знал татарского языка, или был другой национальности (не татарской), его не брали на работу»; «я часто слышу, что для того, чтобы подняться в должности, нужно быть татаринном, однако сама с подобными примерами не сталкивалась»; «существует мнение, что в организациях часто отдают предпочтение татарам, нежели русским (повышение в должности, принятие на работу и т.д.)», «в Казани присутствует национальная дискриминация при приеме на работу».

Пожалуй, ключевым для характеристики практик взаимоотношений между традиционно проживавшими в Казани этно-соседями – татарами и русскими – являлся следующий ответ: «Мне интересно узнавать о жизни другой культуры, но при этом я не ощущаю себя «чужой» (русская). И действительно, в Казани и вправду сложился многовековой опыт сосуществования двух основных для этого города национальных общностей – татарской и русской, сплавленных в едином «культурном котле» и не потерявших при этом своего своеобразия. Эта мультикультурная среда окружала казанцев с момента их рождения, они сами являлись ее неотъемлемой составной частью. Именно поэтому, характеризуя Казань как

«имперский “хартленд”», ряд современных исследователей проблем этнонационализма утверждают, что проживавшие здесь русские и татары (православные и мусульмане) «не были ни “друзьями”, ни “врагами”. Они были «соседями»⁹ – «иными», «другими», но редко «чужими». Место «чужого» и для многих татар и русских, как показали ответы на вопросы анкеты, заняли сегодня мигранты из стран Ближнего Зарубежья, в особенности лица «кавказской национальности». Анкеты продемонстрировали практически неприкрытую неприязнь многих из опрошенных разных поколений к этим людям, негативное отношение к их переселению в Казань: «раздражает странный непонятный язык, способность собираться большими компаниями и вести себя на территории не своего дома, как хозяева... Главное, чтобы они вели себя адекватно и как гости. А не как «короли всея Руси», чтобы работали, изучали язык, приносили пользу» (русская); «не очень хорошо отношусь, если честно. Считаю, что это может повлиять на покой граждан, привести к развалу и разного вида разгромам культур» (русский); «мне бы не хотелось, чтобы слишком много приезжих в лице тех же гастарбайтеров проживало в моем регионе. Как правило, к нам приезжают не самые образованные представители этих народов и не самые законопослушные, что негативно влияет на культурную и криминальную обстановку в обществе. К тому же зачастую они оставляют без работы местное население, так как готовы работать за гроши и не жалуются на антисанитарию» (русская); «мне не очень нравится их поведение (я имею в виду выходцев из Средней Азии и Кавказа)... Произойдут изменения не в лучшую сторону» (татарка); отношение к ним «отрицательное, так как ассоциируются с бандитами» (татарка); «они наглеют почему-то» (татарка). И таких заявлений довольно много – едва ли не половина из данных ответов. Думается, что подобные проявления интолерантности обусловлены не только усилившимися эмиграционными процессами из Средней Азии и Казахстана и формированием в Республике Татарстан и ее столице относительно замкнутых национальных диаспор, не только складывающимися в результате этого новыми опытами повседневного межнационального «общезития», но и сознательной политической конъюнктурой сегодняшнего дня, когда сконструированные властью институты и практики формирования коллективных воспоминаний «транслируют индивидуальной памяти устойчивое собрание внешних стереотипов и образов»¹⁰.

Новая социально-экономическая реальность, стремительное наращивание нового постсоветского опыта заставили авторов многих анкет задуматься об «идеальной» модели межэтнических отношений. При этом ни искусст-

⁹ Редакция *Ab Imperio*. Не возлюби ближнего: Динамика соседства, дружбы и вражды // *Ab Imperio*: исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2010. № 3. С. 12.

¹⁰ *Нагорная О.С.* «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // *Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии*. Сб. ст. Челябинск, 2004. С.231.

венная дискредитация дискурса «советскости» и идеи над-этнической «советской» солидарности, ни постепенное изживание прежних минимально дистанцированных «советских» норм соседско-дружеских и брачных отношений не заставило представителей старшего и среднего поколения казанцев отказаться от представлений о позднесоветском времени как о периоде наибольшего межнационального согласия. И если при характеристике этого периода история и память дополняли друг друга (даже в анкетах «детей», писавших об этом «со слов» родителей, бабушек и дедушек), то при описании постсоветского периода такая гармония исчезла. Разработанные нами анкеты представляли собой некую рамку, в которую можно было поместить персональные варианты памяти горожан и которая задавала направление и ракурс их переработки в нечто целостное, в общую память о мультикультурном городе и о себе в городе как возможную основу локальной идентичности. Однако анализ собранных анкет показал, что нынешняя память о мультикультурном городе есть по существу своему память разделенная: его восприятие, его оценка в далеком и недавнем прошлом и ныне напрямую зависят от формального и неформального статуса человека в современном мультикультурном обществе, от качества его жизни. И потому на вопрос, может ли память стать основой единой «казанской» идентичности, нельзя ответить однозначно.

В то же время, занимаясь деконструкцией нарративов памяти, мы никогда не забывали о том, что сами являемся ее носителями, объектами и субъектами нашего исследования одновременно. Впрочем, такая двойственная позиция между историей и памятью оказалась довольно плодотворной, позволив вести диалог на равных с различными группами и множественными версиями памяти казанцев.

Полученный в результате анкетирования мегатекст–самоописание представляет собой, по нашему мнению, ни что иное, как «коммеморативный нарратив» со всеми присущими ему признаками (Я. Зерубавель)¹¹ – текст, увековечивающий в общественном сознании память о прошлом. Возникнув как результат и следствие «акта коммеморации» – действия, направленного на поддержание памяти о прошлом (инициированное документирование), зафиксировав процесс памятования через актуализацию образов прошлого в контексте современного видения, подвергшись нарративизации (организации перечня фактов в повествовательную форму с элементами вымысла, домысливания и мифологизации), эти тексты памяти образовали единый

¹¹ Я. Зерубавель определяет коммеморативный нарратив как «рассказ о тех или иных исторических событиях, объясняющий причины, по которым общество в ритуализированной форме вспоминает об этом эпизоде прошлого, и заключающий в себе нравственный урок членам данного социума». (Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей / под ред. А. Семенова, И. Герасимова, М. Могильнер. М., 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks317343 (дата обращения 20.04.2014).

интертекст как диалогическую основу для обретения новых значений и смыслов. Герменевтическое прочтение и интерпретация полученных свидетельств, рефлексия над их природой и процедурами их порождения и фиксации, их анализ и верификация, ревизия языка самоописания, фокусировка на картине мира авторов текста позволила перейти от истории–памяти к истории–критике (П.Нора), создать исторический нарратив, реконструирующий образ мультикультурного города, увиденного глазами его жителей, наполненный смыслами, вложенными в него горожанами. Созданные его-документы позволили увидеть очевидное в скрытом, явное в неявном, малое в большом и большое в малом – ведь во многом именно благодаря автобиографическим анкетным нарративам мы имели возможность проникнуть в самые «потаянные» уголки человеческой памяти о Казани как о городе яркого мультикультурного прошлого и, смеем надеяться, не менее интересного мультикультурного будущего.

